

театр

Продолжаем разговор о современной драматургии
◆ Есть ли новые пьесы? ◆ Со страниц романа —
на сцену

Александр
МИШАРИН:

Высокий пример героя

В тот вечер я шла на спектакль вахтанговцев «Равняется четырем Франциям», мне хотелось перед беседой с драматургом Александром Мишариным еще раз встретиться с его пьесой, которую я уже читала в альманахе «Современная драматургия» и видела в Театре на Малой Бронной.

Наш разговор, естественно, завязался вокруг того, о чем сейчас так много говорят и пишут, — о необходимости прихода на сцену современного положительного героя, человека сильного, мужественного, с открытой и ясной гражданской позицией, выражающего передовые идеи современности.

— Почему же драматурги пока еще слабо откликаются на общественную потребность в таком герое? Ведь таких пьес очень мало, — сказала я.

— Согласен. Но было бы неверно утверждать, что существует какой-то «заговор» драматургов, упорно не желающих показывать на сцене личность героическую, крупную, вступающую с открытым забралом в борьбу с проявлениями социального зла — равнодушием, стяжательством, карьеризмом и т. д.

— Так в чем же дело?

— Очевидно, это зависит и от внутренней сути драматурга, от его склонности к тем или иным темам. Я не представляю себе, что Алексей Арбузов, например, вдруг напишет сейчас пьесу о председателе колхоза. Алексей Николаевич всем своим творчеством завоевал право писать то, что ему ближе. А вот меня, и не только меня, но и таких драматургов, как Азат Абдуллин, Геннадий Бокарев, Александр Гельман, Игнатий Дворецкий, интересует анализ именно общественных проблем. Это в моей сути, в моей натуре. Не скажу, что это легкий хлеб. Работа над такими проблемами очень сложна (впрочем, не берусь утверждать, что разработка проблем морально-нравственных легче). Между постаюнками пьес «День-денской» и «Равняется четырем Франциям» прошло семь лет. Но дело даже не в сроках. Мне кажется, что наше театроведение (подчеркиваю, не критика, а именно театроведение) отнюдь не жалуется жанр социальной драмы. Я, например, на свои премьеры в первую очередь приглашаю не театроведов, а литературных критиков и писателей — Феликса Кузне-

цова, Григория Бакланова, Анатолия Рыбакова, Маргариту Алигер... Высоко ценю также мнение специалистов-социологов. Очень дорогой для меня «рецензией» стало, например, высказывание в одном из журналов академика А. Аганбегяна, который отметил пьесу «День-денской» именно за то, что она затрагивает действительно серьезные, по его мнению, острые проблемы современной экономики.

А театроведы (не все, конечно) либо утверждают, что такие пьесы не нужны вовсе, либо что они нужны, но делать их надо вовсе не так. А какие тут могут быть рецепты? Единственный, по-моему, «рецепт»: ясная гражданская позиция драматурга и высокий уровень профессионального мастерства. Конечно, это не всегда еще нам удастся, но кто-то ведь должен об этих проблемах говорить... Не правда ли?

— Конечно. Однако давайте приблизимся к проблеме современного положительного героя в драматургии. Ведь не только театральная критика, но и многие актеры утверждают, что им явно не хватает героя активного, действенного, яркого, который не замыкается в кругу семейных отношений, открыто, честно идет к заветной цели — победе в нашей жизни идейного, гражданского начала. Согласны ли вы с этим утверждением?

— И да, и нет. Конечно, наша драматургическая палитра еще недостаточно широка, но, по-моему, поиск новых пьес и авторов ведется слабо. Помните, например, судьбу Александра Вампилова. Где же были тогда многие замечательные наши актеры?

Мне рассказывал известный театальный критик, что «самомотеком» пришла во МХАТ вдруг хорошая пьеса с КамАЗа, автор которой рабочий, токарик. Театр собиравается с ним работать. А где гарантии, что не лежат в столах у авторов или в шкафах завлитов прекрасные пьесы с такими героями, которых от нас ждут?

— Откуда пришли ваши герои: ведь, помните, вы [в соавторстве с А. Вейцлером] писали пьесы несколько другого плана, более камерного, что ли. Например, «Зимняя баллада» и другие.

— Правильно. Я в свое время окончил Щепкинское учи-

лище и всю жизнь провел в театре. Наша с Вейцлером пьеса «Песня о ветре» была принята в Малом театре, когда мы еще были студентами. В общем моя сценическая судьба как драматического писателя складывалась довольно счастливо. Правда, герои наших первых пьес не выходили из стен своих городских квартир. Затем жизнь потребовала поиска новых характеров, новых героев. Вы спрашиваете, откуда они пришли?

Конечно, не все в драматургии (да и в литературе вообще) обстоит столь примитивно: дескать, увидел какого-то человека и описал его. Конечно, все гораздо сложнее. Помнится, я уже как-то говорил, что для меня прообразом Шахматова является... Дмитрий Шостакович. Пока я внутренне не представил себе этого замечательного человека и музыканта, у меня не шла пьеса, не получалось конфликта...

— При чем же здесь Шостакович?

— А при том, представьте себе, что на большие государственные решения, я считаю, всегда способен и имеет моральное право лишь человек огромного таланта. А я хорошо знал Дмитрия Шостаковича. Кроме того, что он был гениальным музыкантом, он был еще и общественным деятелем, личностью государственного масштаба. И вот попробовал представить его себе — в столкновениях с разными людьми, в острых жизненных ситуациях. Я знал, какова сила его убеждения, твердая гражданская позиция. Он жил талантливо во всем, ни секунды не проживал зря. Иначе он не мог, это было его естеством. Вокруг него всегда создавалась атмосфера стремительности, словно он жил на совершенно другой скорости, чем все мы.

Думал я и о другой фигуре — крупного партийного, государственного работника, с очень непростой судьбой. Его воля, мужество, патриотизм помогли ему преодолеть многие жизненные испытания и выйти из них победителем.

В общем, я «вжился» в мир моих героев, начал хорошо понимать всю ответственность государственных, партийных работников.

— Мы с вами подошли к очень острой проблеме — о молодых [а точнее «новых»] драматургах. Сейчас много спорят

об их творчестве, порой критики упрекают их в некоторой камерности их пьес, отсутствии социального накала, мелко-темье и т. д. Что вы об этом думаете?

— Что является основой творчества этой новой плеяды? Мне кажется, что они как бы хотят «договориться» со зрителем: «Все, что мы будем говорить, — правда». И действительно, все это узнаваемо: и одинокая женщина, и сбившийся с пути алкоголик, и другие персонажи. В этом их положительная сторона. Но они словно хорошо выверенный секундомер: стрелка движется правильно, но который час — понять невозможно.

Правда, они, конечно, разные. Некоторые более близко подходят к социально-общественным проблемам. Они берут как бы «модели» современного общества и рассматривают их с разных сторон, анализируя общественные явления.

Но, к сожалению, большинство «новых» драматургов только констатируют эти явления, а ответа не дают, в чем-то недобирая социальной значимости. Но хочу подчеркнуть, что, как мне кажется, было бы неправильно делать упор только на «производственную» тему, не менее важна, конечно, и морально-этическая. Все дело в уровне разговора и таланте драматурга. В свое время Николай Погодин увидел в «детских» пьесах Виктора Розова важные общественные проблемы и поддержал их. Хотя сам он писал, как известно, крупные, масштабные произведения. Мне кажется, что и у представителей новой плеяды наступит период их творчества, когда они так или иначе будут касаться более сложных в общественном отношении проблем.

Я руковожу семинаром драматургов при Московском отделении Союза писателей и МГК ВЛКСМ. Здесь есть очень перспективные молодые драматурги — со свежим взглядом на мир, на окружающих нас людей.

— Остаетесь ли вы верным вашей теме в новой пьесе?

— Да, она называется «В связи с переходом на другую работу». Ее тему я бы обозначил так: «Человек и его деяния».

Вела беседу
Валентина ЖЕГИС.